



COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME  
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

**ДЕЛО ОСМАНОГЛУ против.ТУРЦИЯ**

*(Заявка № 48804/99)*

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

24 января 2008 г.

**ФИНАЛ**

***24.04.2008***

*Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Он может быть подвергнут редакционной правке.*



**В деле Osmanoglu v. Турция,**

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседающий в качестве Палаты в составе:

Христос Розакис, президент,

Лукас Лукаидес,

Риза Тюрмен,

Нина Вайич,

Элизабет Штайнер,

Дин Шпильман,

Сверре Эрик Джебенс, судьи, и Сёрен Нильсен, секретарь секции, Совещаясь за закрытыми дверями 11 декабря 2007 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в этот день:

**ПРОЦЕДУРА**

1. Дело было возбуждено по заявлению (№ 48804/99) против Республкаиз Турция поданный в Европейскую комиссию по правам человека («Комиссия») в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Турции курдского происхождения г-ном Мухеттином Османоглу («Конвенция»). заявитель») 25 сентября 1996 г.

2. Интересы заявителя в Суде представляли г-н Марк Мюллер, г-н Тим Отти, г-н Керим Йылдыз и г-жа Люси Кларидж из Курдского правозащитного проекта в Лондон, а также г-н Рейхан Ялчиндаг, г-н Айгюль Демирташ и г-н Селахаттин Демирташ, юристы, практикующие в Диярбакыр. Правительство Турции («Правительство») не назначило представителя для целей разбирательства в органах Конвенции.

3. Заявитель утверждал, в частности, что его сын был взят под стражу полицией и впоследствии исчез при обстоятельствах, на которые государство-ответчик несет ответственность в соответствии со статьями 2, 3, 5, 8, 13 и 14 Конвенции.

4. Жалоба была передана в Суд 1 ноября 1998 г., когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (пункт 2 статьи 5 Протокола № 11).

5. Решением от 15 июня 2006 г. Суд признал жалобу приемлемой.

6. Заявитель и Правительство представили дополнительные письменные замечания (Правило 59 § 1). После консультации со сторонами Палата решила, что слушания по существу не требуется (Правило 59 § 3 в конце).

## ФАКТЫ

### I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель Мухеттин Османоглу родился в 1942 году и проживает в г.Диярбакыр. Он отец Атиллы Османоглу, родившейся в 1968 году. Утверждается, что Атилла был задержан полицией 25 марта 1996 года и впоследствии исчез.

#### **A. Введение**

8. Обстоятельства дела оспариваются сторонами и будут изложены отдельно.

9. Факты, представленные заявителем, изложены в Разделе В ниже. Доводы Правительства относительно фактов резюмируются в Разделе С ниже. Документальные доказательства, представленные сторонами, обобщены в Разделе D.

#### **B. Доводы заявителя о фактах**

10. Заявитель является бывшим государственным служащим. На момент событий, послуживших основанием для подачи настоящего заявления, он и его семья проживали в г.Диярбакыр, где его сын Атилла управлял оптовым продуктовым магазином, принадлежащим заявителю. Прежде чем жить вДиярбакырзаявитель и его семья проживали в соседнем городеХазро, где работал госслужащим. В феврале 1992 г. заявитель и его семья переехали в г.Диярбакырпосле того, как офицер угрожал его сыну. В 1994 г. заявитель был задержан на 28 дней и во время содержания под стражей подвергнулся жестокому обращению. Впоследствии он был оправдан по предъявленным ему обвинениям.

11. Примерно в 11 часов утра 25 марта 1996 г. заявительница пришла в магазин и увидела двух мужчин, выводящих Атиллу из магазина. Один из мужчин был блондином, высоким и безбородым, с «прической в американском стиле». Второй мужчина был коренастым, среднего роста и смуглой кожей. Мужчины были вооружены и имели при себе рации.

12. Двое мужчин сказали заявителю, что они сотрудники милиции и что они везут его сына в отделение милиции, чтобы он мог подать заявку на заключение контракта на оказание услуг столовой в отделении милиции. Мужчины также взяли с собой ящик сахара и килограмм чая. Когда двое мужчин сказали заявителю, что вернут Атиллу примерно через полчаса, и Атилла подтвердил это, заявитель

решил не вмешиваться. Заявительница видела, как Атиллу вели к машине, в которой находились еще двое пассажиров. Соседние владельцы магазинов также стали свидетелями того, как двое мужчин взяли с собой Атиллу.

13. Те же двое мужчин ранее посетили магазин, заявив, что они пришли из столовой, и попросили Атиллу пойти с ними. Когда Атиллу отказался идти, двое мужчин просидели в магазине около часа и сделали три телефонных звонка, которые, по словам Атиллы, он не понял, поскольку мужчины говорили кодовым кодом. Атиллу был обеспокоен этим инцидентом, когда рассказал о нем заявителю в тот вечер.

14. Когда Атиллу не вернулся вечером 25 марта 1996 г., заявитель подумал, что он находится под стражей. На следующий день он обратился в прокуратуру, а также в прокуратуру г.Суд государственной безопасности. Он снова обращался к тому же прокурору 29 марта и 1, 9 и 19 апреля. 16 мая 1996 г. заявитель снова обратился в прокуратуру.

15. Заявитель получил ответ на свое ходатайство от 1 апреля 1996 г. от прокурораСуд государственной безопасности, который заявил, что имя его сына не фигурирует в записях об опеке.

16. В июне 1996 г. заявитель был вызван в суд.Диярбакырский суд государственной безопасности в связи с его ходатайствами. Заявление и жалоба, которые он подал, были поданы под номером предварительного дела 1996/4041. В связи с его ходатайством в канцелярию губернатора заявителю было приказано связаться с отделом убийств по адресу: г.Диярбакырштаб полиции. Заявитель обратился с письмом в этот орган, но не получил ответа, кроме запроса на идентификацию ряда неопознанных тел, обнаруженных в этом районе.

17. Наконец, в своих замечаниях, представленных Суду в ответ на замечания Правительства относительно приемлемости и существования дела, заявитель сослался на статью, опубликованную в газете *Özgür Gündem* 4 июля 2005 г., в которой подробно рассказывалось о предполагаемом признании, сделанном неким г-ном Абдулкадир Айган, предположительно бывший агент *JITEM* (*Jandarma İstihbarat Terörle Mücadele* – антитеррористическое разведывательное подразделение жандармерии), описал похищение и последующее убийство своего сына Атиллы (см. пункт 28 ниже).

### **С. Доводы властей Российской Федерации о фактах**

18. Правительство подтвердило, что заявитель подал жалобу в прокуратуру 1 апреля 1996 г. В этой жалобе заявитель утверждал, что

его сын был задержан сотрудниками милиции, и запрашивал информацию о местонахождении сына.

19. Получив жалобу заявителя, прокурор изучил протоколы содержания под стражей в главном управлении полиции и пришел к выводу, что Атилла Османоглу не заключался под стражу. Прокурор не начал расследование на том основании, что не было ни протоколов содержания под стражей, свидетельствующих о задержании Атиллы Османоглу, ни каких-либо других доказательств того, что он был похищен или стал жертвой противоправных действий.

20. 20 мая 1996 г. у заявителя были взяты показания в следственном изоляторе. Диярбакырштаб полиции. После получения этого заявления Атилла Османоглу был зарегистрирован как пропавший без вести, и по всей стране было проведено расследование с целью его поиска.

21. После того, как Суд объявил жалобу приемлемой, он просил Правительство предоставить копию полного следственного дела об исчезновении Атиллы Османоглу вместе с информацией о том, было ли начато какое-либо расследование предполагаемого признания Абдулкадира Айгана в отношении похищения и убийства сына заявителя. В ответ Правительство сообщило Суду, что не было начато расследование ни исчезновения Атиллы Османоглу, ни предполагаемого признания г-на Айгана, поскольку утверждения были абстрактными и необоснованными.

#### **D. Документальные доказательства, представленные сторонами**

22. Следующая информация содержится в документах, представленных сторонами.

23. 26 марта 1996 г. заявитель подал жалобу в прокуратуру г. Диярбакыр в котором он заявил, что его сына накануне забрали двое сотрудников милиции в штатском, утверждая, что они пришли из столовой Диярбакырштаб полиции. Заявитель также утверждал, что ему не предоставлялась какая-либо информация о местонахождении его сына, несмотря на то, что он обращался во все соответствующие органы.

24. 1 апреля 1996 г. заявитель подал ходатайство в прокуратуру Суд государственной безопасности в Диярбакыр в котором он заявил, что его сын был задержан сотрудниками сил безопасности 25 марта 1996 г. и что с тех пор он ничего о нем не слышал. Он попросил прокурора сообщить ему о судьбе его сына и о том, где он содержится. Согласно рукописной пометке, приложенной прокурором к этому ходатайству 4 апреля 1996 г., имя сына заявительницы не значилось в протоколах задержания.

25. 16 мая 1996 г. заявитель подал второе ходатайство в прокуратуру г. Диярбакыр, повторяя содержание своего предыдущего

ходатайства от 26 марта 1996 г. Заявитель также добавил, что его сын не был связан с какой-либо незаконной организацией.

26. Показания заявителя были взяты у заявителя 20 мая 1996 г. в следственном изоляторе. Диярбакырштаб полиции. Заявитель повторил содержание своих предыдущих показаний и дал описание двух мужчин, которые увезли его сына. Он заявил, что сможет опознать двух мужчин, если увидит их снова. Он также добавил, что те же двое мужчин посетили его магазин за два дня до того, как забрали его сына, и что, выйдя из его магазина, они пошли в соседний магазин. Заявитель указал, что владелец соседнего магазина может быть допрошен для установления личности сотрудников милиции.

27. Имя Атиллы Османоглу не фигурирует в списках задержанных. Диярбакырштаб-квартиры полиции, которые были представлены в Суд Правительством после того, как жалоба была признана приемлемой.

28. 4 июля 2006 года признание, якобы сделанное Абдулкадиром Айганом, было опубликовано в газете «Озгюр Гюндем». Г-н Айган заявил, что Атила Османоглу был похищен JITEM и что его голова была разбита молотком некой Синди Асет, также известной как Кочеро, так что опознать тело было невозможно. Тело, которое позже было брошено в вышедшую из употребления нефтяную цистерну недалеко от города Силопи, был обнаружен 30 марта 1996 г., и прокурор Силопи составил протокол вскрытия. Открытому прокурором делу был присвоен номер предварительного следствия 1996/313. Согласно отчету о вскрытии, тело принадлежало мужчине ростом 175 сантиметров, весом 70 килограммов, возрастом приблизительно 25-30 лет, с темными волосами. На лице было несколько серьезных порезов, а части черепа были сломаны. Тело было захоронено в части кладбища Силопи, отведенной для невостребованных тел. Впоследствии заявителю показали фотографии этого тела, но он не смог опознать в погибшем своего сына.

## II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

29. Описание соответствующего закона можно найти в деле *İrek v. Турция* (№ 25760/94, §§ 92-106, ECHR 2004-II (выдержки)).

## ЗАКОН

### I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

30. В письме, направленном 29 мая 2007 г., то есть почти через год после того, как жалоба была признана приемлемой, Правительство сообщило Суду, что Диярбакырпрокуратура вынесла постановление об отказе-судебного преследования 23 июня 2006 г. и что заявитель не подавал формальных возражений против этого решения. Впоследствии Правительство представило Суду документ, свидетельствующий о том, что рассматриваемое решение было сообщено заявителю 2 октября 2006 г. Правительство предложило Суду объявить жалобу неприемлемой в связи с неисчерпанием заявителем внутренних средств правовой защиты.

31. Заявитель утверждал, что, вопреки утверждениям властей Российской Федерации, он не был уведомлен о решении-судебное преследование. По мнению заявителя, даже если бы он возражал против этого решения, результат был бы таким же, поскольку подозреваемый оставался на свободе. В любом случае дело уже было признано приемлемым, и власти Российской Федерации не представили никаких доказательств обратного.

32. Прежде всего следует подчеркнуть, что Правительство не информировало Суд о решении об отказе в возбуждении уголовного дела до 29 мая 2007 г., несмотря на то, что у них была возможность включить его в свои дополнительные замечания после рассмотрения вопроса о приемлемости, которые были представлены в Суд. 20 сентября 2006 г.

33. Кроме того, Суд отмечает, что постановление прокурора от 23 июня 2006 г. было основано на истечении срока давности. Правонарушение было названо в решении «ограничением личной свободы», и срок давности для этого правонарушения составлял 10 лет в соответствии с применимым национальным законодательством. Это не было решением, принятым по окончании расследования, а было решением, просто подтверждающим, что истек срок давности. Действительно, как признало Правительство, не было начато расследование ни исчезновения Атиллы Османоглу, ни предполагаемого признания г-на Айгана (см. пункт 21 выше).

34. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявитель, подавший многочисленные безуспешные ходатайства в национальные органы власти о возбуждении расследования по факту исчезновения его сына, не был обязан возражать против решения прокурора о прекращении уголовного дела. расследования, которое, по признанию властей Российской Федерации, так и не было проведено. Поэтому он отклоняет предварительное возражение правительства.



## II. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

### A. Доводы сторон

#### 1. Кандидат

35. Заявитель утверждал, что имелись достаточные доказательные основания, чтобы заключить вне всяких разумных сомнений, что его сын был похищен представителями государства. Он сам был свидетелем похищения и дал властям описание двух причастных к этому мужчин. Кроме того, газетное сообщение, основанное на признании г-на Айгана, представляет собой подтверждающее доказательство в поддержку его утверждений о причастности государства к исчезновению его сына. Заявитель признал, что информация, предоставленная г-ном Айганом, представляла собой только показания с чужих слов; однако,

36. Поскольку тело его сына так и не было опознано, заявитель признал, что не может представить конкретных доказательств смерти своего сына. Однако, ссылаясь на прецедентную практику Суда в отношении аналогичных утверждений (в частности, Акдениз и другие против Турции, № 23954/94, § 88, 31 мая 2001 г.), заявитель утверждал, что существовала разумная презумпция смерти, связанная с Правительством-ответчиком, которые возникли из-за следующих факторов:

(а) время, прошедшее с тех пор, как он в последний раз видел своего сына под стражей силами государственной безопасности;

(б) историю домогательств, которым подвергались как его сын, так и он сам (см. пункт 10 выше);

(с) отсутствие каких-либо документальных свидетельств задержания его сына;

(д) отсутствие какого-либо удовлетворительного и правдоподобного объяснения или расследования со стороны государства; и

(е) показания с чужих слов, содержащиеся в газетной статье с подробным описанием утверждений г-на Айгана.

37. Заявитель также утверждал, что государство-ответчик не выполнило конкретную просьбу Суда о раскрытии информации. В соответствии с этим запросом, сделанным в то время, когда им было сообщено о деле, правительству было предложено представить Суду копию всего следственного дела и копию протокола задержания, но оно этого не сделало. Заявитель предложил Суду сделать вывод о том, что Правительство нарушило свои обязательства в соответствии со

статьей 38 § 1 (а) Конвенции по содействию Суду в установлении фактов по делу.

38. Наконец, заявитель утверждал, что, учитывая значительный потенциал отсутствующей документации для подтверждения или опровержения сделанных им утверждений, Суд был вправе сделать выводы относительно обоснованности утверждений. В этой связи заявитель, ссылаясь на решения по делам Аккум и другие против Турции (№ 21894/93, § 211, ЕСПЧ 2005-II (выдержки)) и Челикбилек против Турции *Турция* (№ 27693/95, § 70, 31 мая 2005 г.), утверждал, что Правительство должно было убедительно объяснить, почему рассматриваемые документы не могут служить подтверждением его утверждений.

## *2. The Правительство*

39. Правительство утверждало, что в материалах дела не было доказательств, которые позволили бы Европейскому Суду сделать разумный вывод о том, что сын заявительницы был похищен и убит представителем государства или лицом, действовавшим от имени государственных органов.

## **В. Статья 38 § 1 (а) и последующие выводы, сделанные Судом**

40. Прежде чем приступить к оценке доказательств, Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы индивидуальных жалоб, учрежденной в соответствии со статьей 34 Конвенции, крайне важно, чтобы государства предоставили все необходимые возможности для надлежащего и эффективного рассмотрения дела. заявления (см. *Tanrikulu против Турции* [GC], № 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Судебным разбирательствам по делам такого рода, когда отдельный заявитель обвиняет представителей государства в нарушении его прав в соответствии с Конвенцией, присуще то, что в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти утверждения.-обоснованность утверждений заявителя, но может также негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Тимурташ против Турции*, № 23531/94, §§ 66). и 70, ЕСПЧ 2000-VI).

41. Кроме того, в тех случаях, когда нераскрытие Правительством важных документов, находящихся в его исключительном владении, не позволяет Суду установить факты, Правительство должно либо убедительно доказать, почему рассматриваемые документы не могут служить подтверждением утверждений, сделанных заявителя, или представить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как

произошли рассматриваемые события (см. Аккум и другие, упомянутое выше, § 211, и Челикбилек, упомянутое выше, § 70).

42. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что, когда он сообщил об этом деле правительству, он просил их предоставить копии материалов следствия и протоколов содержания под стражей. Правительство, не представив копии протоколов задержания или каких-либо документов, кроме заявления, взятого у заявителя полицией (см. пункт 26 выше), указало в своих замечаниях относительно приемлемости и существа дела, что соответствующие протоколы задержания были рассмотрены прокурором, и что таким образом прокурор смог сделать вывод о том, что сын заявительницы не содержался под стражей. На этом основании возбуждение расследования было сочтено излишним.

43. После того, как он объявил жалобу приемлемой, Суд снова потребовал от Правительства представить копии всех материалов национального расследования. Правительство представило копии того, что, как они утверждали, было протоколом содержания под стражей. Диарбакырштаб полиции (см. пункт 27 выше). Имя сына заявительницы не фигурирует в соответствующих разделах записей о заключении под стражу.

44. Суд отмечает, что вышеупомянутое обязательство в соответствии со статьей 38 Конвенции по оказанию помощи Суду в расследовании жалобы применимо только после того, как дело было объявлено приемлемым. Отмечая, что Правительство представило копии протоколов содержания под стражей после того, как жалоба была признана приемлемой, Суд не может не сделать вывод, что Правительство выполнило свои обязательства в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции.

### **С. Оценка фактов Судом**

45. При оценке доказательств Суд обычно применял стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. Ирландия против Соединенного Королевства, решение от 18 января 1978 г., Серия А, т. 25, § 161). Тем не менее, следует с самого начала подчеркнуть, что этот конкретный доказательный критерий имеет самостоятельное значение в разбирательстве Суда (см. Мэтью против Нидерландов, № 24919/03, § 156, ЕСПЧ 2005 г.); целью Суда никогда не было заимствование подхода национальных правовых систем, использующих стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. «Начова и другие против Болгарии» [БП], №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, ЕСПЧ 2005VII). Таким образом, в соответствии с установившейся практикой Суда, при отсутствии прямых доказательств такие доказательства могут следовать из сосуществования достаточно

веских, четких и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта (там же и дела, упомянутые в нем). Уровень убеждения, необходимый для достижения конкретного вывода, и, в связи с этим, распределение бремени доказывания неразрывно связаны со специфичностью фактов, характером выдвинутого обвинения и конвенционным правом, на которое поставлена задача (там же).

46. Возвращаясь к фактам настоящего дела, заявитель утверждал, что показания его очевидца о событиях в сочетании с утверждениями г-на Айгана (см. пункты 17 и 28 выше) предоставили достаточные доказательства в поддержку его утверждения о том, что его сын был похищен агентами Договаривающейся Стороны-ответчика.

47. Что касается рассказа заявителя о событиях как очевидца, Суд отмечает, что заявитель, как при обращении к национальным властям, так и в ходе разбирательства в Суде в Страсбурге, последовательно излагал версию событий, приведших к смерти его сына. забрали из его магазина. Он дал описание двух мужчин (см. пункт 26 выше) и сообщил национальным властям, что владелец соседнего магазина был свидетелем того, как двое мужчин увели его сына (см. пункт 26 выше). Несмотря на это, внутригосударственные власти не проводили расследования его утверждений, за исключением того, что у него были взяты показания и проверены записи о задержании.

48. В этой связи тот факт, что имя сына заявительницы не фигурирует в протоколах содержания под стражей, сам по себе не является решающим фактором; ненадежность и неточность записей о заключении под стражу в этой конкретной части Турции в соответствующий период были отмечены Судом в ряде аналогичных дел (см., в частности, Курт против Турции, решение от 25 мая 1998 г., Отчеты о судебных решениях и Решения 1998-III, § 125; Тимурташ, упомянутое выше, § 105; Чакеджи против Турции [БП], № 23657/94, § 105, ЕСПЧ 1999-IV; Чичек против Турции, № 25704/94, § 165, 27 февраля 2001 г., и Орхан против Турции, № 25656/94, § 371, 18 июня 2002 г.).

49. В свете вышеизложенного Суд не видит оснований сомневаться в том, что сын заявительницы действительно был похищен, как утверждалось, то есть двумя мужчинами, представившимися сотрудниками милиции.

50. Что касается утверждений г-на Айгана (см. пункты 17 и 28 выше), Суд отмечает, что аналогичные утверждения г-на Айгана относительно убийства мужа заявительницы в деле Несибе Харан против Турции были рассмотрены Судом в деле контексте этого дела, и был сделан вывод, что им нельзя придавать решающего значения, «поскольку они не были проверены и имели самые косвенные

доказательства» (см. Несибе Харан против Турции, № 28299/95, § 67, 6 октября 2005 г.) .

51. В связи с этим и в отношении приглашения заявителя Суду провести миссию по установлению фактов с целью проверки достоверности информации, предоставленной г-ном Айганом, Суд считает, что такое расследование является делом отечественные власти. Кроме того, Суд отмечает, что, согласно информации, предоставленной заявителем, владелец соседнего магазина, которого посетили двое мужчин, увезших Атиллу (см. пункт 26 выше), с тех пор переехал из этого района, и заявитель не знает его адрес. Заявитель также сообщил Суду, что ни он, ни его адвокаты не смогли найти г-на Айгана. При обстоятельствах настоящего дела Суд не убежден в том, что расследование по установлению фактов в Турциясуд прояснит обстоятельства дела.

52. Суд отмечает, что Суд специально просил Правительство разъяснить, было ли начато какое-либо расследование утверждений г-на Айгана о похищении и убийстве сына заявительницы. Правительство сообщило Суду, что расследование утверждений г-на Айгана не проводилось, поскольку эти утверждения были «абстрактными и необоснованными». Отметив, что г-н Айган назвал имя предполагаемого убийцы сына заявительницы и подробно рассказал о предполагаемом убийстве и месте захоронения тела, Суд не согласен с Правительством в том, что утверждения были расплывчатыми. Тем не менее, из-за того, что национальные власти не расследовали утверждения г-на Айгана, эти утверждения по-прежнему остаются непроверенными и, как таковые, представляют собой не более чем косвенные доказательства.

53. В свете вышеизложенного Суд считает, что как перед национальными властями, так и в ходе разбирательства в Суде заявитель сделал все, что можно было разумно ожидать от него в поддержку своих утверждений. Тем не менее, хотя Суд готов признать, что сына заявительницы увезли двое мужчин, представившихся сотрудниками полиции, он не может на основании материалов дела установить, действительно ли эти двое мужчин были офицеры полиции. Эта неспособность непосредственно вытекает из того, что государство-ответчик не провело расследование утверждений заявителя.

54. Наконец, заявитель утверждал, что Суд должен переложить бремя доказывания в связи с отказом Правительства сотрудничать с Судом в установлении фактов и потребовать от Правительства доказать, что утаенные им документы не подтверждают его утверждения ( см. пункт 38 выше). Суд отмечает, что в делах, на которые ссылается заявитель в поддержку этого довода (Аккум и другие и Челикбилек – см. параграф 38 выше), Суд не смог установить

факты в связи с тем, что Правительство не представило ему количество важных документов. Однако в настоящем деле невозможность проверить точность утверждений заявителя связана с отсутствием внутригосударственного расследования, которое, как указывалось выше, подлежит рассмотрению в обстоятельствах настоящего дела.

#### **D. Можно ли считать Атиллу Османоглу мертвым**

55. В вышеупомянутом деле Тимурташа Суд постановил следующее:

«82. ...Может ли непредоставление властями правдоподобного объяснения судьбы задержанного в отсутствие тела ... вызвать вопросы в соответствии со статьей 2 Конвенции, будет зависеть от всех обстоятельств дела. делу и, в частности, о наличии достаточных косвенных доказательств, основанных на конкретных элементах, из которых можно заключить в соответствии с требуемым стандартом доказывания, что задержанный должен считаться умершим во время содержания под стражей...»

83. В этом отношении период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу, хотя и не является решающим сам по себе, является важным фактором, который следует принимать во внимание. Следует признать, что чем больше времени проходит без каких-либо известий о задержанном, тем больше вероятность того, что он умер. Таким образом, течение времени может в некоторой степени повлиять на вес, который следует придавать другим элементам косвенных доказательств, прежде чем можно будет сделать вывод о том, что данное лицо считается умершим. В этом отношении Суд считает, что эта ситуация порождает вопросы, которые выходят за рамки простого незаконного содержания под стражей в нарушение статьи 5. Такое толкование соответствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренной статьей 2, которая считается одно из самых основных положений Конвенции...»

56. В настоящем деле Суд не счел установленным, что сын заявительницы был задержан сотрудниками сил безопасности, но установил, что он был похищен 25 марта 1996 г. двумя мужчинами при обстоятельствах, указанных заявителем.

57. Тем не менее Суд считает, что установление причастности государства к исчезновению человека не является обязательным условием для целей установления того, можно ли считать это лицо умершим; при определенных обстоятельствах исчезновение человека само по себе может рассматриваться как угроза жизни. В этой связи Суд отмечает, что в ряде случаев он приходил к выводу о том, что исчезновение лица на юго-востоке Турции в соответствующее время может рассматриваться как угрожающее жизни (для целей презумпции смерти см. *Alia*, Акдениз против Турции, № 25165/94, § 99, 31 мая 2005 г.; в целях выполнения обязательства по проведению эффективных расследований утверждений об исчезновениях с целью установления

обстоятельств исчезновения и выявления виновных см., в частности, *Toğsu v. Turkey*, no. 27601/95, § 112, 31 мая 2005 г., и упомянутые в нем дела).

58. Хотя во многих из этих дел предполагаемая причастность жертв к РПК была фактором, принятым во внимание Судом при рассмотрении их исчезновений как опасных для жизни в свете ситуации на юго-востоке Турции в то время, отсутствие каких-либо предположений о том, что сын заявителя мог быть причастен к деятельности, связанной с РПК, не делает его исчезновение менее опасным для жизни. С этой целью Суд отмечает, что способ его похищения имеет много общего с исчезновениями людей до их убийства на юго-востоке Турции примерно в соответствующее время, которые были рассмотрены Судом (см., в частности, *Авшар против Турции*, № 25657/94, § 283, ECHR 2001-VII (выдержки); *Nuray Şen v. Турция* (№ 2), нет. 25354/94, 30 марта 2004 г.; и *Челикбилек*, упомянутое выше).

59. По вышеуказанным причинам и принимая во внимание тот факт, что в течение более 11 лет не появлялась информация о местонахождении Атиллы Османоглу.-факт, не оспариваемый Правительством-, суд соглашается, что он должен считаться мертвым.

60. Теперь Суд приступит к рассмотрению жалобы заявителя на нарушение различных статей Конвенции.

### III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

#### 61. Статья 2 Конвенции предусматривает:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во время исполнения приговора суда по осуждению за преступление, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не считается нанесенным в нарушение настоящей статьи, если оно является результатом применения силы, которая является не более чем абсолютно необходимой:

- (a) в защиту любого лица от незаконного насилия;
- (b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;
- (c) в действиях, предпринятых на законных основаниях с целью подавления бунта или восстания».

### **А. Предполагаемое похищение и убийство Атиллы Османоглу представителями государства**

62. Заявитель утверждал, что его сын был похищен силами безопасности и теперь должен считаться погибшим в нарушение статьи 2 Конвенции.

63. Правительство отрицало причастность представителей государства к похищению сына заявительницы.

64. Суд уже установил, что он не смог установить, кто мог нести ответственность за исчезновение Атиллы Османоглу (см. пункт 53 выше). Отсюда следует, что нарушения статьи 2 Конвенции в этом отношении не было.

### **В. Заявление о неспособности защитить право на жизнь Атиллы Османоглу**

#### *1. Заявитель*

65. Заявитель утверждал, что, учитывая серьезную опасность для жизни, связанную с насильственным исчезновением, и срочную необходимость установить местонахождение лица, неспособность властей начать оперативное и эффективное расследование исчезновения его сына поставило под угрозу жизнь его сына. и представляет собой нарушение позитивного обязательства государства защищать жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции.

66. Он указал, что не было предпринято никаких действий для расследования местонахождения или самочувствия его сына в первые важные дни после похищения. Несмотря на то, что он подал прошение в канцелярию губернатора 26 марта 1996 г., то есть на следующий день после исчезновения его сына, до 1 апреля 1996 г. от властей не было получено никакого ответа. а именно проверка протоколов содержания под стражей прокурором (см. пункт 24 выше), была крайне неадекватной и не выполнила обязательств государства по Конвенции.

67. Кроме того, власти не рассмотрели предоставленные им конкретные доказательства, в частности описание двух преступников, данное в его показаниях властям 20 мая 1996 г. (см. пункт 26 выше). В этом заявлении он прямо сказал, что сможет опознать двух мужчин, если увидит их снова. Тем не менее, единственным действием, предпринятым в ответ на заявления, сделанные им 20 мая 1996 г., была регистрация его сына как пропавшего без вести, и даже это было сделано только спустя почти два месяца после похищения и после подачи не менее семи петиций.



## *2. Правительство*

68. Правительство утверждало, что прокурор изучил протоколы содержания под стражей и пришел к выводу, что Атилла Османоглу не был задержан полицией. Прокурор не возбудил расследование на том основании, что не было ни протокола содержания под стражей, свидетельствующего о задержании сына заявительницы, ни каких-либо других доказательств, свидетельствующих о том, что он был похищен или стал жертвой противоправного действия.

69. 20 мая 1996 г., после того как у заявителя в отделе убийств главного управления полиции было взято заявление, Атилла Османоглу был зарегистрирован как пропавший без вести, и по всей стране было проведено расследование с целью его поиска.

## *3. Оценка Суда*

70. Прежде всего Суд укажет, что похищение и последующее исчезновение человека является незаконным действием в соответствии с законодательством Турции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Ипек против Турции", § 95). Принимая во внимание вышеприведенный вывод о том, что сын заявительницы был похищен, как утверждает заявительница (см. § 49 настоящего Постановления), необходимо сделать вывод, что сын заявительницы действительно стал жертвой противоправного действия.

71. Суд не счел установленным, что представители государства несут ответственность за исчезновение сына заявительницы (см. § 53 настоящего Постановления). Однако это не обязательно исключает ответственность правительства в соответствии со статьей 2 Конвенции. Согласно сложившейся прецедентной практике Суда, первое предложение пункта 1 статьи 2 обязывает государство не только воздерживаться от умышленного и незаконного лишения жизни, но и принимать соответствующие меры для защиты жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией. (см. LCB против Соединенного Королевства, решение от 9 июня 1998 г., Reports 1998-III, § 36).

72. Это предполагает первичную обязанность государства обеспечить право на жизнь путем принятия эффективных уголовно-правовых норм для предотвращения совершения преступлений против личности, подкреплённых законом.-правоприменительный механизм для предотвращения, пресечения и наказания нарушений таких положений. Он также распространяется при соответствующих обстоятельствах на позитивное обязательство властей принимать превентивные оперативные меры для защиты человека, жизнь которого находится под угрозой от преступных действий другого лица (см. Осман против Соединенного Королевства, решение от 28 октября 1998 г., Reports 1998-VIII, § 116).

73. В этой связи Суд повторяет, что в свете трудностей полицейской деятельности в современном обществе, непредсказуемости человеческого поведения и оперативного выбора, который должен быть сделан с точки зрения приоритетов и ресурсов, объем позитивного обязательства должен толковаться с определенной точки зрения. способом, который не возлагает на власти невозможное или несоразмерное бремя. Таким образом, не каждый заявленный риск для жизни может повлечь за собой требование Конвенции о принятии властями оперативных мер для предотвращения реализации этого риска (см. Акоч против Турции, №№ 22947/93 и 22948/93, § 78, ECHR 2000X).

74. Для возникновения позитивного обязательства должно быть установлено, что власти знали или должны были знать в момент существования реальной и непосредственной опасности для жизни идентифицированного лица или лиц от преступных действий третьего лица и что они не приняли мер в рамках своих полномочий, которые, по разумной оценке, могли бы помочь избежать этого риска (см. Осман, упомянутое выше, § 116).

75. Что касается того, существовала ли реальная и непосредственная угроза жизни Атиллы Османоглу, Суд уже установил, что исчезновение человека при обстоятельствах, подобных тем, при которых исчез сын заявительницы, может рассматриваться как угроза жизни (см. пункты 57 настоящего Постановления). -58 выше). Кроме того, Суд ранее постановил, что исчезновение лица при угрожающих жизни обстоятельствах требует от государства, в соответствии с позитивным обязательством, заложенным в статье 2 Конвенции, принятия оперативных мер для защиты права на жизнь исчезнувшего лица ( см. Коку против Турции, № 27305/95, § 132, 31 мая 2005 г.). В этой связи следует также отметить, что как исчезнувшему лицу в деле Коку, так и сыну заявительницы в настоящем деле ранее угрожали (см. пункт 10 выше и см. Коку, упомянутое выше, § 18). Кроме того, как в деле Коку, так и в настоящем деле власти были проинформированы о похищении на следующий день.

76. Таким образом, Суд находит, что после его исчезновения жизнь сына заявительницы подвергалась более реальной и непосредственной опасности, чем жизнь других лиц в то время. Из этого следует, что действия, которые следовало ожидать от национальных властей, заключались не в предотвращении исчезновения сына заявительницы, которое уже имело место, а в принятии превентивных оперативных мер для защиты его жизни, которой угрожали преступные действия других лиц (там же, § 132).

77. В этой связи Суд отмечает, что власти были уведомлены о похищении сына заявительницы еще 26 марта 1996 г. (см. § 23 настоящего Постановления). Соответственно, с этой даты власти были

обязаны принять незамедлительные меры для защиты его права на жизнь. На данном этапе необходимо подчеркнуть, что, как и в случае с обязательством проводить эффективные расследования случаев гибели людей в результате применения силы, обязательство принимать меры для защиты права на жизнь не является обязательством результата, но средства (см., *mutatis mutandis*, McKerr против Соединенного Королевства, № 28883/95, § 113, ECHR 2001-III).

78. Тем не менее, как признало правительство, «не было начато никакого расследования исчезновения Атиллы Османоглу». В связи с этим Суд находит, что простой проверки записей о заключении под стражу недостаточно для защиты права на жизнь сына заявительницы (см. пункт 19 выше). Что касается утверждения Правительства о том, что Атилла Османоглу был зарегистрирован как пропавший без вести и что расследование проводилось «по всей стране с целью его поиска» (см. пункт 20 выше), Суд отмечает, что Правительство не представило никаких подробностей относительно этого предполагаемого расследования или любые документы, относящиеся к нему (см. пункты 42-43 выше). Таким образом, предполагаемому поиску сына заявительницы «по всей стране» нельзя придавать никакого значения.

79. Суд считает, что следственные органы могли предпринять ряд основных шагов, которые давали бы разумные шансы на успех в розыске сына заявительницы. С этой целью прокурор должен был начать с получения дополнительной информации от заявителя и допроса владельцев соседнего магазина, которые, как утверждал заявитель, были свидетелями того, как двое мужчин увели его сына.

80. В свете описаний, данных заявителем, прокурор мог попытаться проверить, действительно ли двое мужчин, увезших сына заявительницы, были сотрудниками милиции. Кроме того, Суд принимает к сведению тот факт, что в течение соответствующего периода на дорогах в этом районе имелось большое количество контрольно-пропускных пунктов полиции и жандармерии, которые могли быть предупреждены, чтобы высматривать сына заявительницы на случай, если он был провезен через один из контрольно-пропускных пунктов.

81. Кроме того, следующие шаги, на которые указал заявитель в своих замечаниях и с которыми согласен Суд, могли быть предприняты следственными органами с целью розыска Атиллы Османоглу:

(a) осмотр соответствующего управления жандармерии или полиции или любых других помещений, куда мог быть доставлен сын заявительницы после того, как он был похищен;

(b) проведение расследований и получение показаний от лиц, находившихся под стражей в соответствующем управлении

жандармерии или полиции на момент исчезновения, в попытке установить, был ли взят под стражу сын заявительницы;

(с) наведение справок и получение показаний от тех офицеров, которые находились при исполнении служебных обязанностей в соответствующие даты; и

(d) попытки обезопасить потенциальных очевидцев инцидента.

82. Как указывалось выше, согласно турецкому законодательству незаконное лишение человека свободы является уголовным преступлением. Прокуроры обязаны расследовать сообщения о правонарушениях (см. дело Ипек, упомянутое выше, § 96). Несмотря на это, прокурор по настоящему делу оставался полностью и непостижимо бездействующим в то время, когда в этом регионе Турции убивали много людей (см. Коку, упомянутое выше, § 143). Не приняв никаких мер, ни прокуратура, ни турецкие власти в целом не сделали все, что было в их силах, для защиты права на жизнь сына заявительницы после его похищения (см. *mutatis mutandis*, там же).

83. В свете вышеизложенного Суд заключает, что, несмотря на наличие положений уголовного права, непринятие немедленных мер подорвало эффективность защиты, обеспечиваемой этими положениями в данном случае, и, таким образом, лишило защиты, которую должен был иметь Атилла Османоглу, получен по закону.

84. Суд заключает, что власти не приняли доступных им разумных мер для предотвращения реальной и непосредственной опасности для жизни Атиллы Османоглу. Соответственно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

### **С. Предполагаемая неадекватность расследования**

85. Заявитель утверждал, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, рассматриваемое в сочетании с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1 обеспечивать каждому, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции, устанавливает позитивное обязательство государства эффективно расследовать жалобы на исчезновения и применять эффективные санкции к виновным в насильственных исчезновениях.

86. Правительство утверждало, что по утверждениям заявителя не проводилось никакого расследования, поскольку они были абстрактными и необоснованными.

87. Суд повторяет, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, рассматриваемое в сочетании с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1, «обеспечивать каждому лицу, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в [Конвенции] подразумевает, что

должна быть некоторая форма эффективного официального расследования, когда люди были убиты в результате применения силы (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995 г., серия А, № 324). , стр. 49, § 161 и *Кайя против Турции*, решение от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, стр. 329, § 105). В этой связи Суд отмечает, что это обязательство не ограничивается случаями, когда очевидно, что убийство было совершено представителем государства (см. *Салман против Турции [БП]*, № 21986/93, § 105, ЕСПЧ 2000-VII).

88. Расследование также должно быть эффективным в том смысле, что оно может привести к установлению и наказанию виновных (см. *Оғур против Турции [БП]*, № 21954/93, § 88, ECHR 1999-III). Это обязательство не результата, а средства. Власти должны были принять доступные им разумные меры для получения доказательств, касающихся инцидента, включая, среди прочего, свидетельские показания (см. *Tanrıkuşu*, упомянутое выше, § 109). Любой недостаток в расследовании, который подрывает его способность установить причину смерти или виновного, может привести к нарушению этого стандарта.

89. В этом контексте также подразумеваются требования оперативности и разумной оперативности (см. *Яша против Турции*, решение от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-IV, §§ 102-104; *Çakıcı*, упомянутое выше, §§ 80, 87 и 106). и *Tanrıkuşu*, упомянутое выше, § 109).

90. Вышеупомянутые обязательства в равной степени распространяются на случаи, когда лицо исчезло при обстоятельствах, которые можно считать пожизненными.-угрожающий. В этом отношении Суд уже постановил, что исчезновение сына заявительницы может рассматриваться как угроза жизни (см. пункты 57-58 выше).

91. Тем не менее, как признали сами власти Российской Федерации, расследование исчезновения сына заявительницы не проводилось. В этой связи Суд также сожалеет о том, что утверждения г-на Айгана не подтолкнули Правительство к действиям. Суд не согласен с Правительством в том, что утверждения г-на Айгана были абстрактными и необоснованными, и считает, что конкретные рассматриваемые утверждения заслуживают рассмотрения национальными властями. В этой связи Суд не может не отметить, что решение не проводить расследование этих утверждений на том основании, что они были «необоснованными», свидетельствует о нелогичности процесса принятия решений, поскольку утверждения не могут быть признаны необоснованными, если они не будут предварительно расследованы.

92. В свете полного непроведения расследования, которое уже привело к нарушению статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте, Суд приходит к выводу, что имело место также нарушение статьи 2 Конвенции в соответствии с ее процессуальная часть.

#### IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

93. Заявитель утверждал, что обращение с ним со стороны государства после исчезновения его сына было равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

94. По мнению заявителя, следующие особенности подтверждают его заявление о том, что он стал жертвой обращения, противоречащего статье 3 Конвенции:

(a) связь родитель-ребенок;

(b) тот факт, что он был свидетелем похищения своего сына и, как следствие, испытал сильные душевные страдания из-за того, что не вмешался до того, как его сын ушел;

(c) его неоднократные и решительные попытки получить информацию об исчезновении его сына, начавшиеся на следующий день после похищения, и тот факт, что ему пришлось нести основную тяжесть этой задачи; и

(d) тот факт, что он встречал неэффективную и неадекватную реакцию со стороны властей государства-ответчика на каждом этапе.

95. Правительство считало, что нарушения статьи 3 Конвенции не было, поскольку ни один государственный представитель не был причастен к исчезновению сына заявительницы.

96. Суд повторяет, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданию заявителя измерение и характер, отличные от эмоционального стресса, который могут рассматриваться как неизбежно причиненные родственникам жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие элементы будут включать близость семейных уз — в этом контексте определенный вес будет придаваться связи родитель-ребенок — конкретные обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и о том, как власти реагировали на эти запросы (см. *İpek*, упомянутое выше, §§ 181-183 и упомянутые в них органы власти). Далее Суд подчеркивает, что суть такого нарушения

заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, сколько в реакции и отношении властей к ситуации, когда она доводится до их сведения. Особенно в отношении последнего родственник может прямо заявить, что он стал жертвой действий властей (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу "Чагычи против Соединенного Королевства", § 98).

97. В настоящем деле Суд отмечает, что заявитель является отцом исчезнувшего Атиллы Османоглу. Заявитель был свидетелем того, как двое мужчин, выдававших себя за сотрудников милиции, увезли его сына более одиннадцати лет назад, и с тех пор о нем ничего не было слышно. Несмотря на то, что заявитель обратился к национальным властям, чтобы сообщить о похищении и исчезновении его сына, а также поделиться с ними имеющейся у него информацией о похищении, власти не предприняли никаких действий, кроме как сообщили ему, что имя его сына не фигурирует в заключении. записи (см. пункт 24 выше).

98. С учетом вышеизложенного Суд считает, что заявитель страдал и продолжает страдать от страданий и страданий в результате исчезновения его сына и его неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти рассматривали его жалобы, должно рассматриваться как бесчеловечное обращение, противоречащее статье 3.

99. Таким образом, Суд заключает, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя.

## V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

100. Ссылаясь на статью 5 Конвенции, заявитель утверждал, что его сын стал жертвой нарушения этого положения в связи с его произвольным и непризнанным задержанием государственными органами и/или неспособностью и/или отказом государства провести оперативное и эффективное расследование его жалоб.

101. Правительство утверждало, что не было установлено вне разумных сомнений, что какой-либо государственный агент или лицо, действовавшее от имени государственных органов, были причастны к предполагаемому похищению и задержанию сына заявительницы.

102. Что касается утверждения заявителя о том, что его сын был задержан государственными органами, Суд повторяет, что он не смог установить, кто мог нести ответственность за исчезновение сына заявителя (см. § 53 настоящего Постановления). Таким образом, нет никаких фактических оснований для обоснования утверждения заявителя.

103. Что касается жалобы заявителя по той же статье на отсутствие расследования, Суд, принимая во внимание вышеизложенные выводы

о нарушениях, связанных с отсутствием расследования, не считает необходимым рассматривать отдельно, дает ли то же самое отсутствие расследования может привести к нарушению статьи 5 Конвенции.

104. Следовательно, Суд не находит нарушения статьи 5 Конвенции.

## VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

105. Заявитель утверждал, что длительное горе и страдания, вызванные исчезновением его сына в течение последних одиннадцати лет, составили нарушение его права на уважение семейной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции. По мнению заявителя, это нарушение явилось прямым результатом неспособности государства-ответчика защитить право его сына на жизнь, свободу и личную неприкосновенность в соответствии со статьями 2 и 5 Конвенции.

106. Правительство, помимо отрицания фактической основы утверждений заявителя, не рассматривало конкретно какие-либо вопросы по статье 8.

107. Принимая во внимание свои выводы в соответствии со статьями 2 и 3 выше, Суд не находит необходимым в обстоятельствах настоящего дела определять, имело ли место нарушение статьи 8 Конвенции.

## VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

108. Ссылаясь на статью 13 Конвенции, заявитель утверждал, что ему было отказано в эффективном средстве правовой защиты в отношении его жалоб в соответствии с Конвенцией. Он утверждал, что серьезных недостатков в поведении государства-ответчика было достаточно, чтобы Суд пришел к выводу, что ему было отказано в эффективном средстве правовой защиты в связи с исчезновением его сына и, таким образом, ему было отказано в доступе к любым другим доступным средствам правовой защиты, имеющимся в его распоряжении, включая иск о компенсации.

109. Правительство не представило никаких возражений относительно жалоб заявителя по этой статье.

110. Статья 13 Конвенции предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты перед национальным органом власти, несмотря на то, что нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве».



111. Принимая во внимание нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте (см. пункт 92 выше), Суд не считает необходимым рассматривать те же факты также в контексте статьи 13.

#### VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЯМИ 2 И 5 КОНВЕНЦИИ

112. Заявитель утверждал, что исчезновение и предполагаемая смерть его сына, а также неспособность властей провести эффективное расследование и предоставить эффективное средство правовой защиты были связаны с тем, что он и его сын были курдского происхождения. По словам заявителя, имело место дискриминационная практика со стороны полиции и других сил государственной безопасности в юго-восточном районе г.Турция в котором выделялись представители курдского населения для насильственных или недобровольных исчезновений и убийств во время содержания под стражей в полиции.

113. Заявитель также утверждал, что, помимо дискриминационной практики насильственных исчезновений, представители курдского населения на юго-востоке Турции подвергались дискриминации в отношении расследования таких исчезновений. В поддержку этого довода заявитель сослался на ряд постановлений, в которых Суд установил нарушения статьи 2 и/или статьи 13 Конвенции в связи с непроведением властями эффективных расследований по делам, касающимся исключительно членов Курдское население Турции.

114. Правительство не делало никаких заявлений в отношении этих жалоб.

115. Что касается утверждения заявителя о том, что исчезновение и предполагаемая смерть его сына были вызваны его курдским происхождением, Суд подчеркивает, что он не нашел установленным причастность представителей государства к похищению. Таким образом, нет никаких фактических оснований для обоснования утверждения заявителя в этом отношении.

116. Что касается второго утверждения заявителя по этой статье, а именно того, что основной причиной нерасследования похищения его сына было его этническое происхождение, Суд хотел бы указать, что вышеуказанные нарушения Конвенции основаны на полном отсутствии расследования на бытовом уровне. В результате отсутствия расследования отсутствуют какие-либо документы или какие-либо другие доказательства, из которых Суд мог бы почерпнуть информацию для проверки обоснованности утверждения заявителя о дискриминационном обращении со стороны следственных органов.

117. Таким образом, нарушения статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 2 и 5 Конвенции не было.

## IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

118. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшая сторона».

### **A. Материальный ущерб**

119. Заявитель утверждал, что его сыну Атилле, родившемуся в 1968 году, на момент похищения было 28 лет. У Атиллы также был партнер, на котором он был женат в соответствии с исламскими традициями, и они жили в одном доме с заявителем и женой заявителя. Пятеро других детей и двое внуков заявителя также жили в том же доме. Поскольку заявитель был слишком стар, чтобы выполнять постоянную работу, Атилла ежедневно управлял магазином. Магазин давал основной доход всей семье. Заявителю пришлось закрыть магазин в связи с исчезновением Атиллы, в результате чего семья потеряла свой доход.

120. На момент смерти Атиллы ежемесячный оборот магазина составлял около 2000 новых турецких лир (YTL). Заявитель просил Суд присудить ему эту сумму за каждый месяц, прошедший с момента исчезновения его сына, в общей сложности 276 000 турецких лир (примерно 160 000 евро).

121. Правительство возражало против суммы, требуемой заявителем, и утверждало, что он не представил никаких доказательств материального ущерба. Правительство также возражало против требований об условном заработке и просило Суд не принимать их в связи с отсутствием каких-либо доказательств или прибегать к фиктивным расчетам. По мнению Правительства, в случае необходимости заявителю может быть присуждена справедливая сумма материального ущерба, не допуская использования процедуры компенсации для предъявления преувеличенных требований, не подтвержденных какими-либо доказательствами или документами. В противном случае любая такая сумма будет фиктивной и приведет к неосновательному обогащению.

122. Прецедентная практика Суда установила, что должна существовать четкая причинно-следственная связь между ущербом, заявленным заявителем, и нарушением Конвенции, и что это может, в соответствующих случаях, включать компенсацию в отношении потери заработка (см., среди прочего властями, Барбера, Мессега и Джабардо против Испании (статья 50), постановление от 13 июня 1994

г., Серия А, № 285С, стр. 57-58, §§ 16-20, и Чакычи, упомянутое выше, § 127).

123. Суд отмечает, что заявитель не представил в Суд постатейный иск с подробным описанием потери дохода в результате исчезновения его сына. Однако неоспоримым фактом остается то, что Атиллы Османоглу обеспечивал свою семью средствами к существованию. Принимая во внимание семейное положение Атиллы Османоглу, его возраст и его профессиональную деятельность, которая обеспечивала его партнеру и семье средства к существованию, Суд находит установленной прямую причинно-следственную связь между неспособностью властей защитить право на жизнь Атиллы Османоглу и потеря его семьей финансовой поддержки, оказываемой им.

124. В свете вышеизложенного Суд, приняв решение на справедливой основе, присуждает 60 000 евро в качестве компенсации материального ущерба, которые должны быть выплачены на банковский счет заявителя в Турции и удерживаться им совместно для партнера и наследников Атиллы Османоглу (см. *mutatis mutandis*, Коки, упомянутое выше, § 195).

## **В. Моральный вред**

125. Заявитель утверждал, что он и его семья перенесли серьезную травму и страдания в результате исчезновения Атиллы Османоглу, непроведения властями надлежащего расследования его исчезновения и того факта, что он и его семья до сих пор не имели признаков местонахождения Атиллы и жив ли он. Он оставил определение компенсации морального вреда на усмотрение суда и просил суд принять во внимание все обстоятельства дела.

126. Правительство придерживалось мнения, что ввиду отсутствия доказательств, подтверждающих утверждения заявителя, справедливой была бы только символическая сумма компенсации морального вреда.

127. Суд отмечает установленные им нарушения статей 2 и 3 Конвенции. Следовательно, и принимая во внимание суммы, присужденные по сопоставимым делам, Суд на справедливой основе присуждает 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда, которые должны быть выплачены на банковский счет заявителя в Турции и удерживаться им в течение партнер и наследники Атиллы Османоглу совместно. Он также присуждает заявителю сумму в размере 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда, причиненного ему лично в связи с нарушением статьи 3 Конвенции.

### **С. Затраты и расходы**

128. Заявитель потребовал в общей сложности 19 471,24 фунта стерлингов (GBP) и 11 262 евро в качестве компенсации пошлин и расходов, понесенных при подаче заявления. Его претензия включала:

(а) 19 031,24 фунта стерлингов в качестве оплаты услуг его адвокатов, работающих в Курдском правозащитном проекте (КПЧП) в Великобритании;

(б) 5 325 евро на оплату услуг его адвокатов, базирующихся в Турции;

(с) 440 фунтов стерлингов на административные расходы, такие как телефон, факс, почтовые расходы, фотокопирование и канцелярские товары, понесенные Соединенным Королевством.-основанные юристы; и

(г) 5 937 евро на перевод и административные расходы, такие как телефон, факс, почтовые расходы, фотокопирование и канцелярские принадлежности, понесенные юристами, базирующимися в Турции.

129. В обоснование своих требований в отношении гонораров своих адвокатов заявитель представил подробный график расходов.

130. Правительство возражало против того, что они считали чрезмерной суммой, запрошенной представителями заявителя. Они утверждали, что возмещению подлежат только фактически понесенные расходы; все затраты и расходы должны быть документально подтверждены заявителями или их представителями. Кроме того, приблизительные цифры или приблизительные списки не следует рассматривать как относящиеся к делу и как доказательство предполагаемых расходов. Расходы не должны превышать разумную сумму и должны быть действительно необходимыми. Все запросы на расходы должны быть основаны на счетах-фактурах, и каждая статья должна быть подтверждена документами.

131. Делая собственную оценку, основанную на имеющейся информации и принимая во внимание компенсации, присужденные по аналогичным делам (см., в частности, Коку, упомянутое выше, § 203), Суд присуждает заявителю 15 000 евро в качестве компенсации судебных издержек и издержек, за исключением любой налог на добавленную стоимость, который может взиматься, чистая сумма вознаграждения должна быть выплачена в фунтах стерлингов на банковский счет его представителей в Соединенном Королевстве.

### **Д. Проценты за неуплату**

132. Суд считает целесообразным, чтобы проценты по умолчанию основывались на предельной кредитной ставке Европейского

центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

## ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. Постановил единогласно, что нарушение статьи 2 Конвенции в отношении похищения сына заявительницы предположительно представителями государства и его последующей предполагаемой смерти не имело места;
2. Постановил четырьмя голосами против трех, что государство-ответчик не защитило жизнь сына заявительницы в нарушение статьи 2 Конвенции;
- 3) единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с непроведением властями государства-ответчика эффективного расследования обстоятельств исчезновения сына заявительницы и его последующей предполагаемой смерти;
4. Постановил четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя;
5. Постановил единогласно, что нарушения статьи 5 Конвенции не было;
6. Единогласно постановил, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу заявителя в соответствии со статьей 8 Конвенции;
7. Постановил единогласно, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции;
8. Постановил единогласно, что нарушения статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 2 и 5 Конвенции не было;
9. Принято шестью голосами против одного.
  - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы:
    - (i) 60 000 евро (шестьдесят тысяч евро) в качестве компенсации материального ущерба; эта сумма должна быть конвертирована

в новые турецкие лиры по курсу, действующему на дату расчета, и переведена на банковский счет заявителя и хранится им для партнера и наследников его сына Атиллы Османоглу;

(ii) 20 000 евро (двадцать тысяч евро) в отношении не-материальный ущерб; эта сумма должна быть конвертирована в новые турецкие лиры по курсу, действующему на дату расчета, и переведена на банковский счет заявителя и хранится им для партнера и наследников его сына Атиллы Османоглу;

(iii) 10 000 евро (десять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда; эта сумма должна быть конвертирована в новые турецкие лиры по курсу, действующему на дату расчета, и переведена на банковский счет заявителя;

(iv) 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро) в отношении расходов и издержек; эта сумма должна быть конвертирована в фунты стерлингов по курсу, действующему на дату расчета, и переведена на банковский счет представителей заявителя в Соединенном Королевстве;

(v) любые налоги, которыми могут облагаться вышеуказанные суммы;

(b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты простых процентов на вышеуказанную сумму должны выплачиваться по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода дефолта плюс три процентных пункта;

10. Отклоняет единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и уведомлено в письменной форме 24 января 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен  
Регистратор

Христос Розакис  
президент

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагается следующее совместное частично особое мнение судей Тюрмен, Вайич и Штайнер.

CLRSN

## СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ТУРМЕНА, ВАЙИЧА И ШТАЙНЕРА

Мы согласились с большинством в том, что имело место нарушение статьи 2 в ее процессуальном аспекте. Однако мы не можем разделить вывод большинства о нарушении статьи 2 в ее материально-правовом аспекте по следующим причинам.

В случаях исчезновения во время содержания под стражей, при отсутствии информации в течение значительно длительного периода времени, предполагается, что лицо умерло во время содержания под стражей, и при отсутствии правдоподобного объяснения ответственность за смерть ложится на государство-ответчика. .

Чтобы прийти к такому выводу, Суд стремится установить: (1) что данное лицо было лишено свободы при угрожающих жизни обстоятельствах; (2) что это лишение было осуществлено правительственными агентами; (3) отсутствие информации или отказ признать факт лишения свободы (см., например, Тимурташ против Турции, № 23531/94, § 85, ЕСПЧ 2000VI; Эртак против Турции, № 20764/92, ECHR 2000V, Таниш и другие против Турции, № 65899/01, ECHR 2005-VIII; и Акдениз и другие против Турции, №. 23954/94, 31 мая 2001 г.).

Интересно отметить, что в деле *Timurtaş*, которое является ведущим, Суд тщательно разграничил его по двум основаниям с Куртом против Турции (постановление от 25 мая 1998 г., Reports of Judgements and Decisions 1998III), в котором Суд не нашел нарушение статьи 2: (a) в деле Курт «не было достаточных убедительных доказательств того, что сын заявительницы встретил свою смерть в заключении», тогда как в деле Тимурташ «было установлено... что Абдулвахап Тимурташ [был] доставлен в место содержания под стражей»; и (b) «в материалах дела Курта было несколько элементов, идентифицирующих Узеира Курта как лицо, находящееся под подозрением у властей, в то время как факты дела [Тимурташа] [оставляли] несомненно, что Абдулвахап Тимурташ [был] разыскиваемым властями. власти за его предполагаемую деятельность РПК» (см. дело Тимурташа, упомянутое выше, § 85).

В настоящем деле единодушно признано, что причастность сил безопасности к исчезновению сына заявительницы, Атилла Османоглу, не установлена (см. пункты 53 и 56 постановления).

Кроме того, также утверждается, что Атилла Османоглу не имел никаких связей с РПК (см. пункт 58).

С учетом этих элементов и в соответствии с прецедентной практикой Суда мы не можем заключить в настоящих обстоятельствах, что ответственность государства-ответчика наступила.

Мы не можем согласиться с мнением большинства о том, что «установление причастности государства к исчезновению человека не является неизменным условием для целей установления того, можно ли считать это лицо умершим;



при определенных обстоятельствах исчезновение человека само по себе может рассматриваться как угроза жизни» (см. пункт 57).

Это правда, что при определенных обстоятельствах исчезновение человека может быть опасным для жизни. Однако вопрос в настоящем деле заключается в том, может ли государство-ответчик нести ответственность за такую опасную для жизни ситуацию, если будет установлено, что исчезновения не произошло, когда жертва находилась под контролем властей и когда государство не причастен к исчезновению. Ответ, данный прецедентной практикой Суда на этот вопрос, однозначно отрицательный. Решение Акдениз, на которое ссылается большинство, подтверждает эту точку зрения. В этом решении Суд постановил следующее: «одинадцать человек должны считаться умершими после их задержания [выделено нами] силами безопасности. Следовательно, наступает ответственность государства-ответчика за их смерть» (см. Akdeniz, упомянутое выше, пункт 89).

В связи с этим мы считаем, что предполагаемое сходство между похищением сына заявительницы и похищением лиц, упомянутых большинством в пункте 58 постановления, недостаточно для вывода о том, что исчезновение Атиллы Османоглу было опасным для жизни. . Такие параллели имели бы вес только в том случае, если бы Суд признал существование административной практики похищений и убийств. Однако и Суд, и бывшая Комиссия всегда отказывались делать такой вывод.

Из настоящего постановления неясно, какие действия государство-ответчик должно предпринять в случаях, когда оно не признано ответственным за исчезновение человека. Большинство судей, по-видимому, указывает на то, что «государство-ответчик обязано проводить эффективные расследования утверждений об исчезновениях» (пункт 57).

Мы полностью разделяем эту точку зрения. Однако этот вопрос следует рассматривать с точки зрения процедурного аспекта статьи 2, а не с точки зрения его сущности. Тем не менее, в настоящем решении отсутствие эффективного расследования является основанием для вывода о существенном нарушении статьи 2 (см. пункт 92). Кроме того, то же самое отсутствие эффективного расследования также является причиной установления нарушения статьи 2 в ее процессуальном аспекте. Обнаружение двух нарушений по одной и той же причине с одними и теми же фактами довольно необычно в прецедентной практике Суда.

Позитивное обязательство государства защищать жизнь лиц, находящихся под его юрисдикцией, и обязательство государства проводить эффективное расследование в случае исчезновения — это два разных понятия, и их следует рассматривать как таковые.

Позитивное обязательство государства принимать меры по защите лица от преступных действий других лиц носит превентивный характер. Это относится к фазе, предшествующей такому инциденту.

Суд всегда интерпретировал эту обязанность государства довольно узко. Нарушение статьи 2 имело бы место только в том случае, если бы власти знали или должны были знать о существовании реальной и непосредственной опасности для жизни человека. Такое обязательство «должно толковаться таким образом, чтобы оно не возлагало на власти невозможное или несоразмерное бремя. Соответственно, не каждый заявленный риск для жизни может повлечь за собой требование Конвенции о принятии властями оперативных мер для предотвращения материализации этого риска» (см. Осман против Соединенного Королевства, постановление от 28 октября 1998 г., Reports 1998VIII, § 116). Это позитивное обязательство, однако, не налагает требования о том, чтобы государство обязательно преуспело в установлении местонахождения и привлечении к ответственности виновных в нападениях со смертельным исходом (см. Текдаг против Турции, № 27699/95, § 79, 15 января 2004 г.).

В настоящем деле власти не были проинформированы перед похищением о риске для жизни сына заявительницы, и он не просил защиты; также не оспаривается, что власти не были причастны к исчезновению г-на Османоглу и что он не находился под контролем сил безопасности. Местонахождение г-на Османоглу не было известно властям. Было даже непонятно, умер он или нет. Таким образом, единственное действие, которое можно было разумно ожидать от властей, состояло в том, чтобы провести расследование обстоятельств его исчезновения и установить, был ли он мертв, а если нет, то выяснить, где он находился.

Фактически, «превентивные оперативные меры», требуемые большинством для предотвращения реальной и непосредственной угрозы жизни сына заявительницы после его исчезновения (см. пункт 81 постановления), такие как проведение дознания, получение показаний, обеспечение безопасности свидетелей, и т. д., все они относятся исключительно к расследованию, которое рассматривается в соответствии с процессуальной частью статьи 2.

Наконец, настоящее дело следует отличать от дела Коку против Турции (№ 27305/95, 31 мая 2005 г.), на которое ссылалось большинство и в котором Суд установил нарушение в той мере, в какой государство-ответчик не защитил жизнь брата заявительницы в нарушение статьи 2 Конвенции по следующим основаниям: Хусейн Коку был известным политиком. Он был членом ХАДЕП и предположительно участвовал в деятельности РПК. Перед похищением он получал угрозы от полиции, губернатора и мэра. Напротив, в данном случае г-н Османоглу не был политической

фигурой; он не участвовал ни в какой деятельности, связанной с РПК. Ему ничего не угрожало, и он сопровождал двух мужчин, которые пришли в магазин по собственному желанию.

Второе отличие заключается в том, что тело г-на Коку было найдено через шесть месяцев после его исчезновения, тогда как в данном случае тело г-на Османоглу так и не было найдено.

В-третьих, в деле Коку государство-ответчик не представило Суду ряд документов из материалов следствия. Это невыполнение привело Суд к выводу, что Правительство не выполнило своих обязательств в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции, и, в результате, Суд сделал выводы из невыполнения Правительством своих обязательств. Однако в данном случае Правительство сотрудничало с Судом в установлении фактов (см. пункт 44).

Имея в виду вышеизложенные соображения, мы приходим к выводу об отсутствии нарушения статьи 2 в ее материально-правовом аспекте.

Наконец, в свете наших предыдущих соображений и изложенных выше различий между решением по делу Коку и настоящим решением, мы считаем, что вывод о существенном нарушении статьи 2 в связи с неприятием государством-ответчиком «превентивных оперативных мер» представляет собой кардинальные изменения в судебной практике. Мы считаем, что такое изменение, с его потенциальными последствиями для будущих дел, должно было решаться Большой палатой.